

СА №2, 1987

Л. И. СМИРНОВА

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ТИМЕРЕВСКИХ КУРГАНОВ И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ

Тимеревский курганный могильник по праву считается одним из ярчайших памятников раннего средневековья на территории европейской части СССР. Для северо-востока Древнерусского государства это еще и уникальный памятник как по своему значению для решения проблем исторического развития Верхнего Поволжья, так и по степени изученности за более чем 100-летний период.

Вполне естественно, материалы ярославских могильников: Михайловского, Петровского и главным образом Тимеревского — привлекались в первую очередь для изучения процессов формирования населения данного региона. Идея о смешанном составе населения Ярославского Поволжья (в том числе и населения, оставившего Тимеревские курганы) прочно утвердилась в нашей науке. Мнения исследователей расходятся при конкретизации этой идеи. Я. В. Стапкевич, производившая работы на Тимеревском и Михайловском курганных некрополях в конце 1930-х годов, отмечая факт «некоторого смешения славянского и мерянского населения», рассматривала славян как древнейшее и преобладающее население, оставившее Тимеревский и Михайловский могильники [1, с. 83]. Во многом сходна с позицией Я. В. Стапкевич и точка зрения П. Н. Третьякова [2, с. 298–300]. Е. И. Горюнова связывала ярославские могильники в основном с летописным племенем мерея [3, с. 194–198].

В последние десятилетия Тимеревский могильник изучался объединенной экспедицией Государственного Исторического музея, Института археологии АН СССР и Ярославского музея-заповедника во главе с М. В. Фехнер и экспедицией ЛГУ во главе с И. В. Дубовым. Обе группы исследователей отмечают три основных этнических компонента: финно-угорский, славянский и скандинавский. Однако М. В. Фехнер, выделяя финно-угорский компонент в качестве ведущего, считает его венским [4, с. 15]. В последнее время М. В. Фехнер отказалась от венской трактовки финского этнического компонента, отмечая сложный состав самого этого компонента¹. И. В. Дубов настаивает на финском мерянском этническом компоненте, допуская, правда, северо-западных финнов и балтов в составе словен, новгородских и кривичей, припомнивших на разных этапах участие в формировании населения Волго-Окского междуцарства [5, с. 16–32, 187].

Следует признать, что проблема воссоздания четкой этнической картины по материалам Тимерева далека от окончательного решения, и вопрос, «кто насыпал ярославские курганы» [6], волновавший исследователей памятника еще в начале нашего столетия, и ныне остается открытым.

Этническая принадлежность погребенного определяется, если это возможно, на основе целого комплекса данных: погребального инвентаря, погребального обряда и т. п. К сожалению, мы располагаем лишь

малым количеством четких этнических индикаторов. Среди погребального инвентаря лепная керамика считается весьма перспективным источником получения интересующей нас информации.

В Тимеревских курганах лепная керамика составляет основную массу (87%) всего керамического материала, входя в состав инвентаря 322 погребений (70% всех захоронений в группе). Однако именно лепную керамику Тимеревского могильника с полным основанием можно назвать малознанной. В. А. Мальм охарактеризовала ее весьма обобщенно [7, с. 43–50]. В статьях В. Н. Седых, изучавшего керамику Тимеревского поселения [8, с. 111–117; 9, с. 192–197], этнический аспект либо отсутствует, либо слегка затронут. Им очерчен довольно узкий круг аналогий посуде поселения; таким образом, линии намечены пути выяснения особенностей этнической ситуации в регионе. Попытки реалистично оценить возможности лепной керамики для решения интересующих нас вопросов не предпринимались. Исключение составляют только работы Н. А. Макарова, посвященные чащевидным сосудам Волжско-Шекснинского района. В них анализируются чащевидные сосуды Тимеревского и Михайловского могильников в связи с гипотезой о миграции части населения из Верхнего Прикамья в Верхнее Поволжье и Белозерье [10, с. 130; 11, с. 24]. Заметим, однако, что круглодонные сосуды в Тимереве, составляя довольно многочисленную группу, не отражают всегдаобразия посуды могильника.

В настоящее время мы расширяем 186 целыми (или с полным профилем) лепными сосудами из Тимеревских курганов. Коллекция значительно пополнилась после раскопок памятника в 1974–1978 гг.² Говоря об этнической атрибуции, мы подразумеваем два аспекта этой проблемы — этническая атрибуция сосуда и этническая атрибуция погребенного сопровождении данного сосуда.

Остановимся сначала на первом аспекте. Мы выделяем основные редкие группы тимеревской лепной керамики. Предлагаемое деление сделано по результатам двух классификаций — по качественным и количественным признакам. Метод многомерной автоматической классификации объектов (клusterный анализ) предполагает последовательное объединение группируемых объектов от самых близких до более удаленных друг от друга [12–14]. О сходстве (близости) объектов можно судить по расстоянию между соответствующими точками в многомерном пространстве признаков. Объем статьи не позволяет подробно остановиться на процедуре выделения групп. Критериями, положенными в основу классификации, являются как количественные, так и качественные характеристики сосудов. При нашей методике многочисленные количественные признаки переводятся в разряд сложного качественного признака.

Основными группами мы называем такие, которые включают в себя пять и более сосудов. Выделено 12 основных групп.

Группа I. Сосуды с прямо расположенным или слегка отогнутым венчиком, выделенными плечиками, туловом, сужающимся ко дну. Среди 17 сосудов, относимых нами к данной группе (курганы 36, 62, 80, 10, 132, 135, 158, 174, 199, 322, 335, 357а, 422, 437/2, неизвестные комплексы дореволюционных раскопок)³, можно выделить горшки «спокойной профиля» с прямо расположенным венчиком и округлым выпуклым плечиками (рис. 1, 1, 2), со слегка склоненным внутрь венчиком и ярко-розовым припухлым туловом (рис. 1, 3), сосуды, отличающиеся сильно вилюкими плечиками (рис. 1, 4).

Подавляющее большинство горшков этой группы найдено в погребениях, совершенных по обряду либо кремации на месте, либо ингумации. В тех случаях, когда можно было датировать комплекс, его дата не вы-

¹ Доклад М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной «Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по данным погребального инвентаря» на Научных чтениях в ГИМ (21 декабря 1984 г.).

² Приношу благодарность М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной, предоставившим мне возможность работать с керамикой из раскопок последних лет.

³ Арабская цифра после номера кургана здесь и далее обозначает количество сосудов.

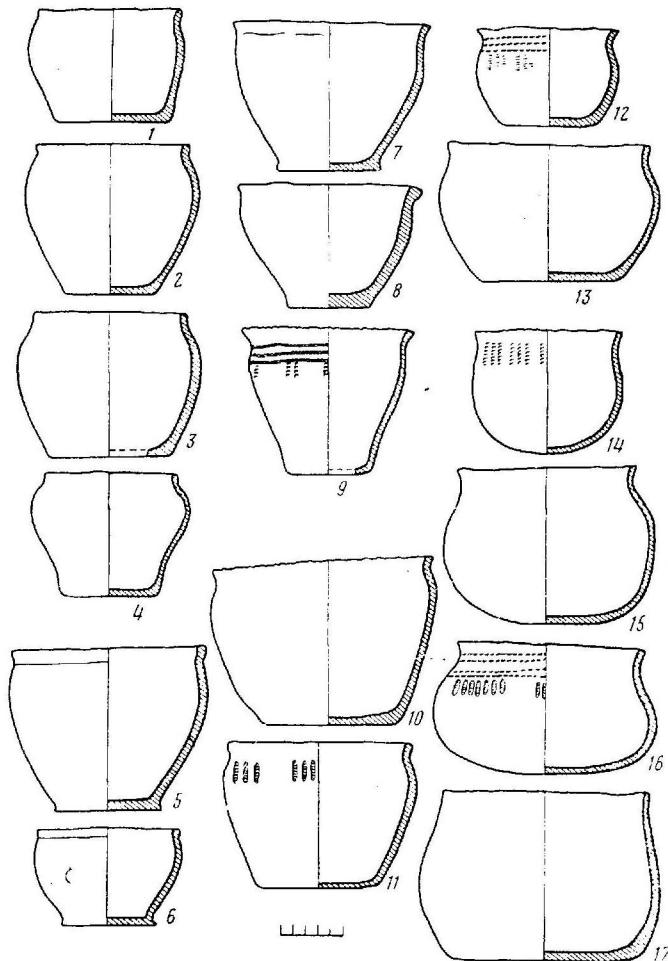

Рис. 1. Лепная керамика I—III и VIII—X групп

ходила за пределы X в. Пять погребений датируются рубежом X—XI вв. (кург. 422) или XI в. (кург. 36, 62, 108, 437).

Аналогии керамике группы I находим в материалах Подболотьевского⁴, Максимовского⁵ и Безводнинского могильников [15, с. 79, 217, рис. 54, 3, с. 219, рис. 58, 1], городища Попово на р. Унже⁶, на поселении Крутник и других памятниках Восточного Прионежья [16, рис. 22, 1, 23, 1—11, 30, 1—3], на памятнике, относимом к рязанской группе финнов — Облачинская дюна [17, с. 83, рис. 1, 1]. Дата всех аналогий — не позже X в.

Группа II. Сосуды, отличительной особенностью которых является широкое устье с коротким, несколько отогнутым венчиком, слабо выра-

⁴ ГИМ, инв. № 56480, оп. 811.

⁵ ГИМ, инв. № 37730, оп. 580.

⁶ Раскопки А. Е. Леонтьева 1981—1984 гг. Материалы хранятся в ИА АН СССР. Приношу благодарность автору раскопок за любезно предоставленную возможность познакомиться с коллекцией.

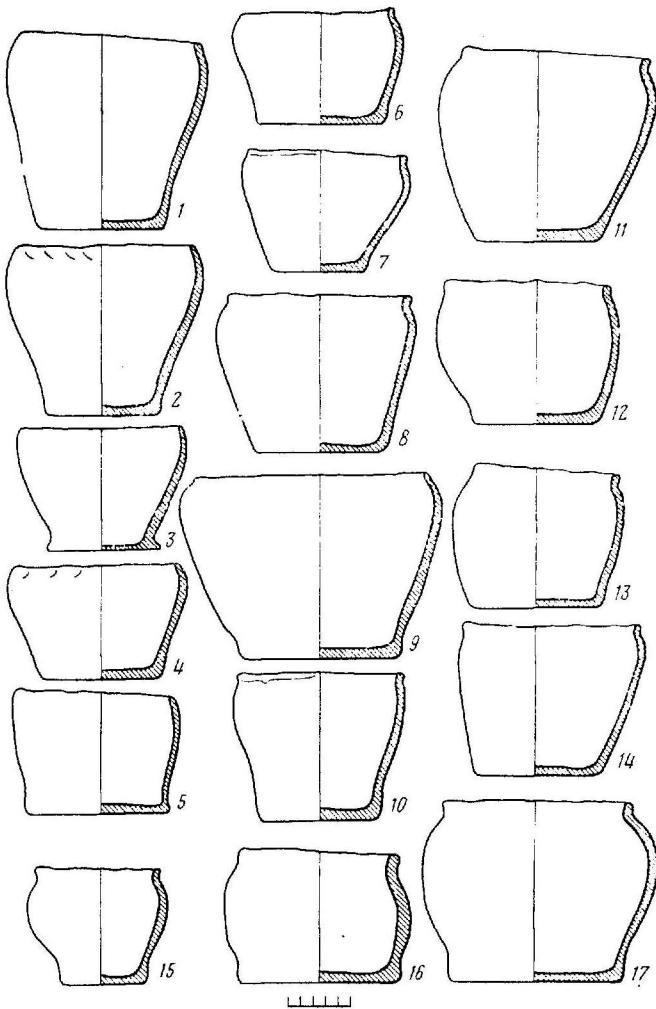

Рис. 2. Лепная керамика IV—VII групп

женные плечики, переходящие в тулово усеченно-конической формы. Максимальное расширение равно или чуть меньше диаметра устья и приходится на третью четверть (считая от низа) высоты сосуда. При переходе стенок к днищу часто наблюдается небольшой уступчик (рис. 1, 7—9). Аналогии этим сосудам — в кругу восточно-финских древностей: городища Попово на р. Унже, поселение Крутник [16, рис. 26, 1—4], Безводнинский могильник [5, с. 79, 217, рис. 54, 1].

В Тимереве семь подобных сосудов встречены в шести погребениях (кург. 229, 282, 344/2, 351а, 357а, 473). Все это — трупосожжения на месте, датированные X в. (в двух случаях — второй половиной X в.). Исключение составляет лишь горшок из труповоложения в кург. 473, датируемого XI в.

Группа III. Чашевидные (без горла) плоскодонные сосуды. Короткий прямой венчик резко переходит в низкое, пологое, хорошо выраженное плечико. Место перехода от венчика к плечику подчеркнуто, образуется

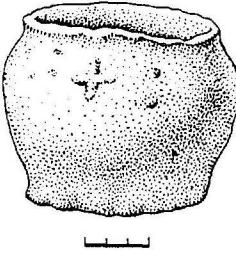

Рис. 3. Лепной сосуд из кург. 430

своего рода «воротничок» в верхней части горшка. При переходе от стенок к днищу прослеживается уступичка (рис. 1, 5, 6). Четыре сосуда, относимых к данной группе, встречены в трех погребениях по обряду трупосожжения на месте, датирующихся X в. (кург. 270, 278, 305/2). Один горшок найден при трупоположении (кург. 431). Аналогии происходят от памятников, связываемых с поволжско-финским кругом древностей: Максимовский [18, табл. XXVIII, 17], Безводниковский [15, с. 79, 219, рис. 59, 3] могильники.

Группа IV. Горшки приземистых пропорций (их высота никогда не превышает диаметра венчика и составляет примерно $\frac{3}{4}$ этого диаметра).

вся эта группа сосудов имеет одинаковую форму и составляет примерно 1/4 этого диаметра) с очень коротким, прямо расположенным венчиком, хорошо выделенными выпуклыми плечиками и туловом, постепенно сужающимся ко дну (рис. 2. б-10). 10 сосудов, составляющих эту группу, в большинстве случаев происходят из комплексов, датированных второй половиной X в. 8 горшков сопровождали погребения по обряду трупосожжения на месте (кург. 54, 79/2, 224, 325/2, 359/2), 2 сосуда происходят из малонинвентарных или содержавших одни керамику погребений по обряду трупоположения, не поддающихся точной датировке (кург. 26 и 105).

Аналогии керамике группы IV находим в материалах финно-угорских могильников Волго-Окского края (Подболотьевский, Максимовский), памятников Волго-Ветлужского междуречья (городище Попово на р. Унже); сходные сосуды отнесены к числу редких типов для Восточного Прионежья [16, рис. 35, 10]. Вместе с тем можно очертить и несколько иной круг аналогий данным сосудам. Д. Селлинг рассматривает подобные горшки среди керамики местного производства, найденной на территории Швеции (тип AIV:3c) [19, с. 190—196, табл. 58, 1, 2].

Группа V. Сосуды с довольно коротким уплощенным, реже округлым, прямо расположенным венчиком, раздутым туловом, максимальное расширение которого приходится на третью четверть высоты, и вогнутой придонной частью (рис. 2, 15–17). Аналогии 8 сосудам дашпой группы из Тимеревских курганов происходят, как и в предыдущем случае, и с поволжско-финских памятников: Издоболотьевский, Максимовский, Панновский [20, табл. 23, рис. 2] могильники,— и с территории Швеции, где они считаются предметами местного производства [19, с. 190–196, табл. 58, 9]. Подобные горшки известны и в памятниках Юго-Восточного Приладожья [21, рис. 58, 8].

К группе V относится цебольшой, попистие ушикальный сосудик с налепом на тулове в виде креста (рис. 3). Ничего подобного не прослежено на других лепных сосудах Тимерева. Не удалось найти аналогий и в керамических комплексах иных памятников. Сосудик соцровождал погребение по обряду трупоположения головой на запад (кург. 430), которое датируется началом XI в. Предполагается, что появление такого украшения можно связывать с распространением христианства.

Сосуды данной группы происходят из трупоположений (кург. 105, 113, 430), трупосожжений на месте (кург. 271, 365/2, 429) и на стороне (кург. 179). Датируются широко – X–XI вв.

Группа VI. Горшки данной группы некоторыми деталями формы близки к сосудам предыдущих двух групп. Это овально-бокие, часто пебрежно сплеленные сосуды с коротким уплощенным (реже округлым) венчиком. Раздутое тулово переходит в несколько припухшей придонную часть; высота — немногим меньше диаметра венчика (рис. 2, 11—14). Характерно, что поиски аналогий, как и в двух предыдущих случаях, приводят нас к волго-окским финским древностям второй половины I тыс. н. э. (Подболотьевский, Максимовский, Безводниковский [45, с. 79, 219, рис. 58, 4] могильники) и рапанесредневековым древностям Швеции [19, с. 190—196, табл. 58, 10, 11].

9 сосудов из Тимеревских курганов датируются широко: от первой половины X в. (кург. 54, 261, 302), второй половины X в. (кург. 271, 323) до рубежа X–XI вв. (кург. 376) и даже XI в. (кург. 11, 23); X в. датируется погребение в кург. 356. Большинство горшков сопровождали погребения по обряду трупосожжения на месте, 2 – трупоположения (кург. 11 и 23).

Группа VII. Об этнической принадлежности сосудов этой группы трудно говорить однозначно на основании аналогий. Сосуды с загнутым внутрь венчиком, разнообразные по своим пропорциям, составляют, по свидетельству Д. Селлинг, большой процент керамики из памятников раннего средневековья на территории Швеции (тип. AIV: 3a), при этом истоки данной формы прослежены и в более ранних материалах [19, с. 167–174, табл. 47–50]. Безоговорочно признать 9 сосудов с загнутым внутрь венчиком из Тимеревских курганов скандинавскими по происхождению не позволяет тот факт, что эта форма весьма распространена и среди волго-окских древностей как примерно синхронных тимеревским — Дурасовское городище [3, рис. 52, 3], так и несколько более ранних — Подболотьевский и Максимовский могильники, Попадынское селище [3, с. 85, рис. 32, 2], Пекуновское городище, городище Черная Заводь, Говядиновское селище и другие ярославские и костромские памятники [3, с. 110].

Все сосуды, кроме одного из неопределенного комплекса, встречены при трупосожжениях на месте, датируемых X в., чаще — второй половиной X в. (кург. 195, 263-II/2, 264, 269/2, 324, 354). Следует отметить, что курганы с погребениями, в инвентаре которых встречены сосуды группы VII, расположены в местах концентрации захоронений с ярко выраженным скандинавскими чертами.

Группа VIII. Горшки низкие, приземистые («кубовастые», по терминологии Е. И. Горюновой) с широким горлом и слегка отогнутым гладким или орнаментированным настечкой (реже — штампом) венчиком, припухлым туловом (рис. 1, 12—13). Характерная еще с дьяковского времени форма местной посуды встречена на Сарском городище и могильнике, Попадышиком селище VI—VII вв., Березниковском городище V—VI вв., Хотимльском могильнике V—XI вв., Дурасовском городище VIII—XI вв. [3, с. 50], в Зубаревских курганах [22, рис. 70, 9—11], в раппесредневековых могильниках на территории Удмуртии [23, табл. XV, 2, 5].

В Тимиреве подобные сосуды (9 экз.) встречены как при трупосожжениях (кург. 112, 139, 141/2, 199, 259, 305, 364, 376), так и при трупоположениях (кург. 118, 173). Из дат: вторая половина X в.—рубеж X—XI вв. Только один сосуд орнаментирован многорядными отпечатками гребенчатого чекана, сгруппированными по три. Это весьма популярная орнаментальная схема среди относительно небольшого числа орнаментированных сосудов могильника.

Отметим еще, что сосуды группы VIII — хороший выделки: в тесте — примесь мелкой дресвы, поверхность тщательно обработана.

Группа IX. Чашевидные круглодонные сосуды весьма многочисленны (рис. 1, 14–17). Их 22, целых или во фрагментах. В подавляющем большинстве случаев они встречаются в курганах с трупосожжениями на месте (кур. 3, 59, 141, 165/3, 175, 180, 187, 192, 200, 214, 224, 233, 299, 343, 376, 398, 420), датирующихся второй половиной X в., только 3 происходят из трупоположений конца X – начала XI в. (кург. 76, 458, 476). Говоря о топографии курголов с сосудами группы IX, следует отметить, что они встречаются по всей площади могильника, за исключением его юго-восточной окраины. Можно, правда, заметить несколько большую их концентрацию в северной и северо-восточной частях.

Большинство исследователей, изучавших в той или иной степени тимеревскую лепную керамику, справедливо, на наш взгляд, связывают круглодонные сосуды с кругом камско-вычегодских древностей [1, с. 72; 3, с. 132; 7, с. 47; 11, с. 23, 24]. Вряд ли и правомерна трактовка им И. В. Дубовым как меряйских [24, с. 115].

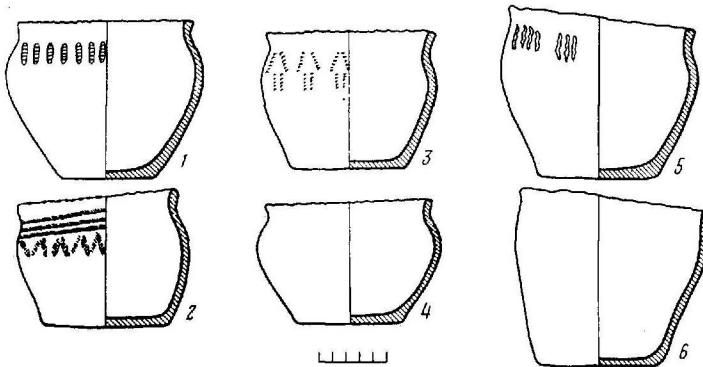

Рис. 4. Лепная керамика XI–XII групп

Близость сосудов двух регионов проявляется прежде всего в орнаменте. Наиболее популярна схема из многорядных отпечатков веревочки по горлу и вертикальных штампов (гребенчатый чекан, палочка, перевитая веревочкой и т. д.) по плечикам; пояса гребенчатого штампа по плечикам в виде вертикальных оттисков, скрученных по три или пять; пояса из уголков, образованных гребенчатым штампом. Не единичные сосуды, а целые серии аналогий происходят из вымских [25, табл. 8, 1, 23, 20, 24, 2], древнемарийских [26, рис. 75, 8] могильников, памятников ваннездинской [27, с. 112, 113, рис. 1, 2], ломоватовской и родановской культур [28, с. 96, рис. 3, 4; 29, с. 43, 44, рис. 1, 1, 2]. Большинство круглодонных сосудов отличает хорошая обработка поверхности, мелкозернистая примесь дресвы или толченой ракушки.

Близость чащевидных сосудов Верхнего Поволжья и Прикамья объясняется Е. И. Горюновой общностью керамических традиций в этих областях [3, с. 132]. Э. А. Савельева считает эту близость свидетельством родства культур и наличием несомненных культурно-торговых связей финского населения двух регионов [25, с. 174]. Н. А. Макаров связывает присутствие чащевидных сосудов среди керамики памятников Волжско-Шекснинского района с проникновением небольших групп пермского населения далеко на запад [11, с. 24].

Группа X. Сосуды данной группы (6 экз.) отличают короткое, приподнятое, хорошо выделенное плечико, отогнутый уплощенный венчик, орнаментированный штампом, и слегка припухлая нижняя часть (рис. 1, 10–11). Мелкая примесь дресвы или толченой ракушки практически не выступает на поверхность, которая тщательно обработана. Большинство сосудов не орнаментировано, но двух встречена уже знакомая орнаментальная схема — скрученные по три или по пять отпечатки штампа по плечику. Аналогии находятся на памятниках Волго-Ветлужского междуустья: городище Попово на р. Унже, «Черемисское кладбище» [26, рис. 75, 4, 7]⁷, Дубовский могильник [26, рис. 75, 3].

Сосуды, чьи принадлежность соответствующим комплексам не вызывает сомнений, происходят из трупосожжений на месте (кург. 5, 290, 323, 398) и на стороне (кург. 420), датируемых X в., и трупоположения (кург. 431).

Группа XI. Пропорции горшков этой группы весьма характерны для керамики Тимерева: диаметр днища составляет примерно $\frac{2}{3}$, а высота — около $\frac{1}{3}$ диаметра венчика. Сосуды отличаются слабой профилировкой; часто бывают украшены штампованным орнаментом (по плечикам и венчику) (рис. 4, 5–6). Подобная посуда встречается в погребениях Дудинских курганов [30, с. 134], Троицкого могильника [30, рис. 4, 7], курганов у с. Бустрыйгино на р. Сорогоже⁸, курганов Юго-Восточного При-

⁷ МАЭ, колл. 1265/IV, инв. № 118.

⁸ МАЭ, колл. 1533, № 92, 93.

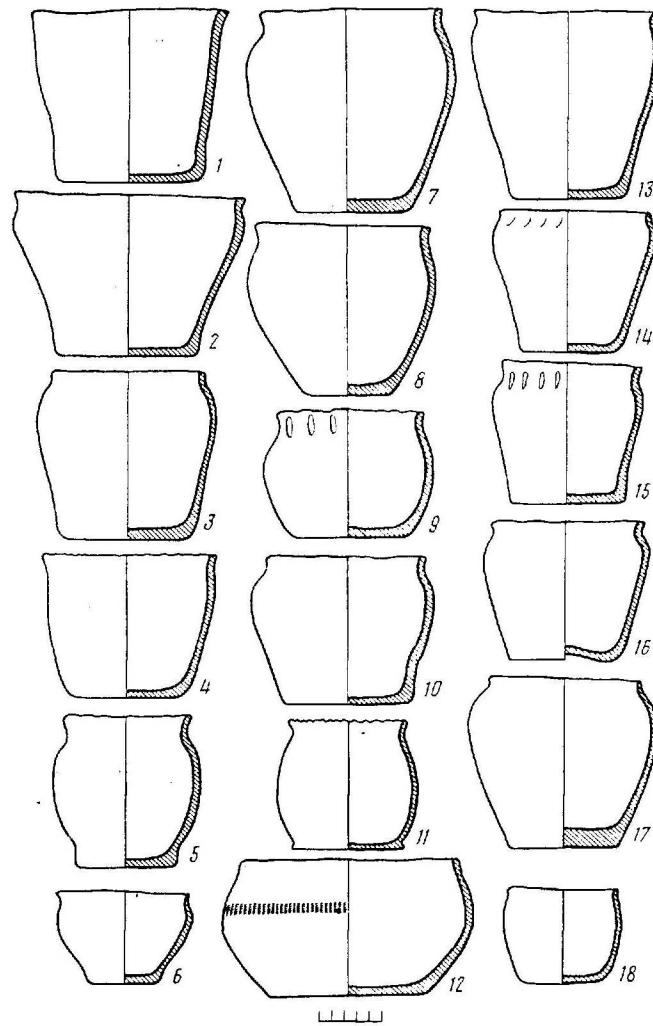

Рис. 5. Редкие формы лепной керамики Тимеревского могильника

ладожья⁹, курганов у д. Бережок на р. Кобоже¹⁰, у с. Кривец Мышинского уезда Ярославской губ.¹¹ и связывается с венской средой [30, с. 131; 31, с. 51].

9 сосудов данной группы (кург. 5, 99/2, 100, 125, 237, 348, 376, 420) происходят как из трупосожжений, так и из трупоположений. Датируются второй половиной X–XI в.

Группа XII. Это ведущая по своей представительности группа лепной керамики Тимеревского могильника: приземистые горшки с широким устьем, отогнутым венчиком, украшенным в большинстве случаев насечкой или штампом. Сюда входят и хорошо профилированные сосуды с выпуклыми округлыми плечиками и сосуды со слабой профилировкой, плавными округлыми плечиками. Соотношение высоты и диаметра венчика с примерно $\frac{2}{3}$. Их отличительной особенностью является плотное тесто с

⁹ ГИМ, опись 137, № 1034, инв. № 32778.

¹⁰ МАЭ, колл. 6012, инв. № 28.

¹¹ ГИМ, опись 605, № 293, инв. № 2283.

Таблица 1

Тимеревская лепная керамика

Группа	Кол-во сосудов	% от общего кол-ва сосудов	Группа	Кол-во сосудов	% от общего кол-ва сосудов	Группа	Кол-во сосудов	% от общего кол-ва сосудов
I	17	9.1	V	8	4.3	IX	22	11.8
II	7	3.8	VI	9	4.8	X	6	3.2
III	5	2.7	VII	9	4.8	XI	9	4.8
IV	10	5.4	VIII	11	5.9	XII	27	14.5

мелкозернистой примесью дресвы или ракушки. Большинство сосудов орнаментировано только по краю венчикка, некоторые украшены вертикальными отпечатками гребенчатого чекана по плечику (рис. 4, 1-4). Один горшок орнаментирован многорядными отпечатками палочки, перевитой веревочкой, по горлу и зигзагообразными отпечатками такого же штампа по плечику.

27 сосудов данной группы объединяет и их относительно более поздняя дата. Комплексы с подобной керамикой (кург. 7/2, 76, 78, 94/2, 109, 112, 118, 140/2, 171, 173, 174, 294, 308, 322, 337, 380, 391, 405, 408, 419, 422, 448/2) датируются в большинстве случаев рубежом X-XI - XI в., реже - второй половиной X в. Описываемые горшки встречены при трупоположениях и при трупосожжениях на месте и на стороне.

Ближайшие аналогии позволяют относить эту керамику к «чудским» (в самом широком смысле этого слова) древностям XI-XII вв. Они встречаются в курганах XI в., у д. Бережок на р. Кобоже¹², в Корбальском могильнике конца XI - первой половины XII в. [32, с. 209, 210, рис. 9], финно-угорских могильниках Вологодской обл. [33, л. 2, 18, рис. 5, 68].

В табл. 1 представлены основные группы тимеревской лепной керамики.

Наряду с описанными выше основными группами лепной керамики могильника, объединяющими значительную часть (75%) всех известных сосудов, необходимо отметить и довольно большое число редких для памятника форм, представленных одним-двумя горшками. Часть из них находит устойчивые и представительные серии аналогий в керамических комплексах уже упомянутых памятников, связанных с финским миром (рис. 5, 1-6, 11, 12). К славянским древностям в основном также относятся сосуды редких форм (рис. 5, 7-10, 13-18). Среди них есть сосуды стройных пропорций с усеченно-коническим туловом, распространение которых в восточных районах, в том числе и на территории Ярославского Поволжья, традиционно связывают с появлением здесь славян. Аналогии этим сосудам находим в Старой Ладоге [34, с. 227, рис. 4, 4], Новгороде [35, с. 4-6, рис. 3, I-III], Изборске [36, рис. 1], на Рюриковом городище [37, с. 95-98, рис. 4], в Городке на Ловать [38, рис. 24, 1, 2, 4, 5, 9] и на других памятниках Новгородской и Псковской областей.

Другая часть сосудов редких форм имеет аналогии среди керамики роменско-борщевской культуры и ранних курганов вятичей [39, с. 167, рис. 3, 14, с. 170, рис. 6, 9; 40, с. 206, табл. XXII, 15, 16; 41, с. 155, рис. 2, 10-13, рис. 3, 10]. Славянские племена этих территорий не рассматривались всерьез среди групп славянства, принимавших участие в освоении северо-востока европейской части СССР.

Сосуды, связываемые нами со славянским этносом, происходят из трупосожжений на стороне, датируемых, когда это возможно, в пределах X в. (кург. 255, 272, 357а, 368, 372, 413), из трупосожжений на месте (кург. 52, 134, 248, 316, 325, 354) с датой, не выходящей за рамки X в., из трупоположений (кург. 92, 99, 101, 114, 443, 452, 473, 476) второй половины X-XI в.

¹² МАЭ, колл. 6012, 13/2, инв. № 24.

Рис. 6. Погребения могильника у д. Большое Тимерево с этнически выраженнымими чертами (без учета керамического материала). По М. В. Фехнер и Н. Г. Недошицкой. а — погребения с финскими чертами; б — погребения со славянскими чертами; в — погребения со скандинавскими и славянскими чертами; г — погребения с финскими и славянскими чертами; д — погребения с финскими и скандинавскими чертами; е — погребения со славянскими скандинавскими чертами; ж — погребения с финскими, славянскими и скандинавскими чертами

Итак, основная масса лепной керамики Тимеревского могильника, по всей видимости, относится к кругу угро-финских древностей. Это и керамика основных групп (т. е. форм, довольно популярных среди населения, оставившего могильник) и группы, достаточно редких для нашего памятника. Однако, принимая во внимание территории, с которых происходят аналогии нашим сосудам -- от Приладожья до Прикамья, мы можем говорить лишь о сложном составе финно-угорского населения, хоронившего своих покойников в Тимеревских курганах, населения, несомненно, преобладавшего, но не вполне связывая его ни с мерей, ни с весью, ни с еще какой-либо другой определенной финно-угорской группой.

Славянский элемент в керамике Тимерева не выражен ярко. Славянские, по нашим представлениям, сосуды немногочисленны, во-первых, и не составляют устойчивых и представительных серий в отличие от керамики финской, во-вторых.

Рис. 7. Погребения могильника у д. Большие Тимерево с этнически выраженными чертами (с учетом керамического материала). Условные обозначения см. рис. 6

В статье М. В. Фехнер «Тимеревский могильник», вошедшей в состав сборника «Ярославское Поволжье X—XI вв.», на основе изучения инвентаря погребений, а также отдельных деталей погребального обряда (ориентировка погребенных, наличие каменных конструкций) выделяются финские, славянские, скандинавские и неопределенные (финские или славянские) захоронения [4, с. 19, рис. 9]. Любопытные наблюдения можно сделать, совместив план этнически определенных погребений, дополненный материалами из раскопок 1974—1978 гг. [42] (рис. 6), с нашими данными о размещении захоронений с финской, славянской и, возможно, скандинавской керамикой. На совмещенном плане (рис. 7) число неопределенных или смешанных погребений значительно больше, чем на плане, составленном без учета керамического материала.

В большинстве случаев этнос погребенного определить трудно, да и вряд ли вообще правомерно относить то или иное погребение (по крайней мере для данного памятника) к какому-либо конкретному этносу. По всей видимости, в Ярославское Поволжье продвинулось население,

уже сильно подвергшееся процессам метисации, о чём, как нам представляется, свидетельствует смешение или искажение в целом ряде случаев этнических черт в рамках одного захоронения.

ЛИТЕРАТУРА

- Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст.— МИА, 1941, № 6.
- Третьяков И. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л.: Наука, 1966.
- Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междууречья.— МИА, 1961, № 94.
- Фехнер М. В. Тимеревский могильник.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
- Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Наука, 1982.
- Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. 1.— Труды II Областного историко-археологического съезда. Тверь, 1903. Ч. 2 — Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909.
- Мальм В. А. Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
- Седых В. Н. Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение).— В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Наука, 1982.
- Седых В. Н. Керамика Тимеревского поселения.— В кн.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Наука, 1982.
- Макаров Н. А. Камско-Вытегорская керамика из Шекспе.— В кн.: Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982.
- Макаров Н. А. Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шексинского района.— КСИА, 1983, вып. 175.
- Айазян С. А., Бежаева З. И., Староверов О. В. Классификация многомерных наблюдений. М.: Статистика, 1974.
- Дюран Б., Одэлл П. Кластерный анализ. М.: Статистика, 1977.
- Многомерный статистический анализ в социально-экономических исследованиях. М.: Наука, 1974.
- Краснов Ю. А. Безводницкий могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980.
- Макаров Н. А. Население Восточного Приуралья в X—XIII вв. Канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1985.— Архив ИА АН СССР, р. 2, № 2332.
- Трусов А. В. Могильник Облачанская Диана.— КСИА, 1983, вып. 175.
- Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941.
- Selling D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955.
- Материальная культура среднесибирской мордовы. Саранск, 1969.
- Кочкургина С. И., Линевский А. М. Курганы летоисчислений веси. Петрозаводск: Карелия, 1985.
- Горюнова Е. И. Мерянский могильник на Рыбинском море.— КСИПМК, 1954, вып. 54.
- Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыслань-шай.— ВЛУ, 1962, № 3.
- Дубов И. В. Тимеревский комплекс — протогородской центр в зоне славяно-финских контактов.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
- Савельева Ф. А. Пермь вычегодская. М.: Наука, 1974.
- Арзипов Г. А. Марийцы X—XI вв. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973.
- Чеснокова Н. Н. Классификация ванзицдинской керамики.— В кн.: Проблемы этногенетических исследований европейского Северо-Востока. Пермь, 1982.
- Канапин В. А. Исследования городища Шудля-кар в верховьях Камы.— КСИА, 1980, вып. 160.
- Голдина Р. Д. К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников.— В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
- Тухтина Л. В. Об этническом составе населения бассейна реки Шекспы в X—XII вв.— Тр. ГИМ, 1966, вып. 40.
- Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М.: Наука, 1973.
- Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники Чулы Заволжской.— СА, 1984, № 4.
- Никитин А. В. Археологический отчет о раскопках курганов у д. Новинка в 1969 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, № 3982.
- Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги.— СА, 1951, т. XV.
- Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода.— КСИА, 1976, вып. 146.
- Седов В. В. Лепная керамика Изборского городища.— КСИА, 1978, вып. 135.
- Носов Е. Н. Лепная керамика из раскопок под Рюриковым городищем под Новгородом.— В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: Наука, 1977.
- Горюнова В. М. Новое в исследовании «Городка на Ловати».— КСИА, 1974, вып. 139.

39. Винников А. З. Керамика донских славян конца I тысячелетия н. э.—СА, 1982, № 3.
40. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. М.: Наука, 1982.
41. Изюмова С. А. Курганный могильник VIII—Х вв. около дер. Западной.—СА, 1964, № 2.
42. Недошивина И. Г., Фехнер М. В. Этнокультурная характеристика Тимиревского могильника по материалам погребального инвентаря.—СА, 1987, № 2.

L. I. Smirnova

MODELLED POTTERY FROM THE TIMEREVO BURIAL MOUNDS
AND ITS ETHNIC ATTRIBUTION

Summary

All modelled pottery from the Timerevo burial mound (186 items found intact) form 12 basic groups (I—XII) each of them being associated with individual sets of ethnically specific antiquities. The pottery, for its main part, exhibited traditions typical of Finno-Ugric tribes, the analogies covering the vast territory from Lake Ladoga to the Kama River. The author identified small groups of Slavic and Scandinavian pottery. The cases when, within one and the same burial, ethnic traits were either distorted or showed alien influences, probably testify to migration into the Volga region near Yaroslavl of groups of people of mixed origins.

Публикации

Г. А. ЧЕРНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В НИЗОВЬЯХ
р. КОРОТАИХИ
И НА ПОБЕРЕЖЬЕ БАРЕНЦЕВА МОРЯ

Первые археологические находки в бассейне р. Коротаихи были сделаны автором в 1941 г. в верхнем течении и на ее левом притоке Падимейвис [1]. В 1961 г. р. Коротаиха была обследована почти на всем ее протяжении, что привело к открытию 58 новых стоянок [2] и к обнаружению Устьхейянгинского поселения [3]. Помимо этого были проведены вторичные сборы на ряде уже известных стоянок и обследован участок побережья Баренцева моря, где также открыты два памятника.

В 40-е годы возраст стоянок в Большеземельской тундре определялся без особой уверенности, так как археологический материал происходил из сборов на поверхности развеиваемых песков и сопоставлялся с отдаленными районами—Северной Двины и Оби.

На основании собранного пами археологического материала [4—8] М. Е. Фосс выделила так называемую Печорскую культуру, считая, что заселение Большеземельской тундры происходило в конце II—начале I тыс. до н. э. [9, с. 145]. Того же мнения придерживался и А. Я. Брюсов [10, с. 143]. Однако уже первые наши исследования в Большеземельской тундре привели к открытию бескерамического комплекса, что pavedло на мысль об их более древнем, мезолитическом возрасте [5, с. 69]. Позднее этот вывод подтвердился открытием целого ряда стоянок на реках Адзьве и Усе, которые были отнесены рядом исследователей к мезолиту [11, с. 81; 12, с. 288; 13, с. 315; 14, с. 4, 7; 15, с. 57, табл. 4]. В 1975 г. мы вновь обследовали р. Сандебию и небольшой участок р. Колывы, где были обнаружены новые стоянки мезолитического [16, 17] и более позднего времени [18].

Таким образом, освоение древним человеком Большеземельской тундры началось с позднемезолитического времени. Интересно, что среди открытых на р. Коротаихе стоянок памятники мезолитического времени отсутствуют. Вероятно, в это время древний человек еще не мог преодолеть водоразделы рек этого северного района, непосредственно примыкающего к Баренцеву морю.

Выделение памятников эпохи неолита на территории Большеземельской тундры до сих пор является одной из труднопрорешимых задач. Несмотря на то, что в настоящее время здесь известно более 300 памятников различных эпох — от мезолита до позднего средневековья, памятников неолитического времени очень мало. Это, на наш взгляд, объясняется целым рядом причин: отсутствием не только систематизированных памятников, но и вообще памятников с хорошо сохранившимися слоем; малым количеством керамики на развеиваемых тундровых стоянках; общей слабой изученностью неолита в Печорском kraе. К эпохе неолита на территории Большеземельской тундры в настоящее время относится всего лишь несколько памятников: Мишваньская стоянка I на р. Лае [19]; стоянка 14 близ г. Нарьян-Мара [6], где было обнаружено тесто русско-карельского типа, и Печорская стоянка в 30 км к северу от Нарьян-Мара, описанная Н. Н. Гуриной [20]. Как каменный материал,